

Журнальныя замѣтки.

Русская Мысль, Жизнь—мартъ.

Участіе къ судьбѣ слабыхъ и обиженныхъ, къ униженнымъ и оскорбленнымъ давно стало какъ-бы обязательною чертою каждаго просвѣщеннаго человѣка. Много говорится и пишется на эту тему при каждомъ удобномъ, а иногда и неудобномъ случаѣ. На дѣлѣ, конечно, мы сплошь и рядомъ не остаемся на высотѣ признаннаго нами за справедливое и желательное, и тогда хорошія слова остаются, какъ они есть, хорошими словами...

Очень хорошія слова говорятъ составители проекта новаго гражданскаго уложенія, какъ справедливо указываетъ г. А. Гольденвейзеръ въ интересной статьѣ „Мнимая защита слабыхъ въ проектѣ гражданскаго уложенія“ (*Русск. Мысль*—мартъ). Статья представляетъ собою докладъ кievскому юридическому Обществу по поводу недавно опубликованнаго проекта пятой книги будущаго уложенія, посвященной отдѣлу объ обязательствахъ. Проектъ уложенія разрабатывается при участіи первоклассныхъ русскихъ юристовъ (съ 1882 года—довольно таки медленно, какъ видитъ читатель), и критическія замѣчанія на него конечно не страшны составителямъ. Тѣмъ важнѣе тѣ указанія на слабыя стороны ихъ труда, какія сдѣланы авторомъ доклада.

Законъ, говорятъ составители, долженъ быть справедливъ; онъ долженъ стремиться къ достиженію матеріальной, а не формальной правды, и онъ долженъ предоставить возможно широкій просторъ усмотрѣнію суда, облегчая притомъ по возможности заинтересованнымъ лицамъ обращеніе къ суду. Мысль, что законъ прежде всего долженъ быть справедливъ, составители проекта поясняютъ такимъ образомъ:

„Ограждай равноправность сторонъ въ обязательственныхъ отношеніяхъ, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ оградить интересы всѣхъ слабыхъ, беспомощныхъ,—словомъ всѣхъ тѣхъ, кто по своему личному или

имущественному положенію нуждается въ особой защитѣ закона, не будучи въ состояніи съ достаточной энергіей отстаивать свои права; въ этомъ отношеніи можно указать на принятыя проектомъ мѣры противъ эксплуатаціи нужды, легкомыслія, неопытности и несчастья“. Такъ что тутъ рѣчь о защитѣ слабыхъ,—слабыхъ не только лично, но и имущественно, и противодѣйствію эксплуатаціи не только легкомыслія и несчастья, но и простой нужды. Осуществленіе этой тенденціи указывается въ слѣдующемъ: „Проектъ, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ, расширяетъ понятіе обмана, приравнивая къ нему тѣ случаи, когда кто либо, злоупотребляя оказываемымъ ему довѣріемъ или принадлежащею ему властью, или пользуясь легкомысліемъ, слабостью воли, неопытностью, нуждою, либо несчастьемъ другого лица, заключить съ этимъ лицомъ явно невыгодный для него договоръ... Проектъ далѣе ограждаетъ должниковъ отъ угнетенія ихъ непомѣрными процентами или чрезмѣрною неустойкою... Проектъ возлагаетъ на нанимателей обязанность оказывать нанявшемуся покровительство и защиту во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ можетъ въ томъ нуждаться, ограждать его жизнь и здоровье отъ опасности при производствѣ работъ и гуманно съ нимъ обращаться“.

Авторъ правильно замѣчаетъ, что намѣреніе благотѣльствовать при помощи гражданскаго закона мало гармонируетъ съ установившимися въ правѣ представленіями о предѣлахъ дѣйствія закона, который можетъ гарантировать лишь справедливость. Онъ весьма удачно цитируетъ здѣсь замѣчаніе Спенсера, что въ первобытныхъ условіяхъ, при деспотическомъ режимѣ, много простора для актовъ милости, но весьма ограничена область справедливости: справедливимъ быть труднѣе, чѣмъ быть великодушнымъ, ибо для послѣдняго достаточно представить себѣ только удовольствія или страданія ближняго, а для оказыванія справедливости—еще и самыя условія, отъ которыхъ зависятъ удовольствія или страданія ближняго.

Дальше авторъ провѣряетъ, насколько въ разныхъ областяхъ обязательственныхъ отношеній составители дѣйствительно провели въ статьяхъ проекта возвышенныя ими гуманнѣйшія начала. Мы не имѣемъ возможности подробно слѣдить, какъ авторъ указываетъ слабыя стороны проекта и несоответствіе того, что внесено въ статьи проекта, съ идеаломъ, поставленнымъ себѣ составителями. Укажемъ лишь двѣ-три черты. Такъ, въ главѣ объ отношеніяхъ найма, составители исходятъ изъ ни на чемъ не основанной презумпціи, что въ договорѣ найма—положеніе наймодавца—слабѣе. Они вводятъ въ его пользу правила, нигдѣ въ другихъ кодексахъ не существующія, и заимствуютъ изъ послѣднихъ всякія правила, особо ограждающія его же интересы; но они безо всякихъ уважительныхъ соображеній избѣгаютъ введенія правилъ, существующихъ въ другихъ кодексахъ рядомъ съ тѣми и служащихъ къ большей обезпеченности правъ и интересовъ нанимателя. Договоръ личнаго найма въ томъ видѣ, какъ предполагается регулировать его въ проектѣ, представляетъ особенно много односторонняго, и именно въ смыслѣ защиты интересовъ слабого. „По договору личнаго найма нанявшійся обязуется за вознагражденіе (рядную плату, жалованье) предоставить свой трудъ въ пользу нанимателя“ (ст. 393). Эту статью и разъясняющими ее трудъ подводится подъ предметъ оборота и отчужденія на подобіе всякой вещи или товара. Подъ правомъ на трудъ нанимающійся долженъ понимать и право нанимателя на все его время, за исключеніемъ только особо оговореннаго въ законѣ, когда наниматель обязанъ отпустить его. Ст. 408 гласитъ: „наниматель обязанъ выдать рядную плату лишь по исполненіи договора нанявшимся, развѣ бы по договору, либо по мѣстному обычаю, ее слѣдовало уплачивать впередъ или въ извѣстные сроки“. Тутъ установлена презумпція, противоположная той, которая установлена по договору найма имущества; тамъ, при отсутствіи соглашенія, платежъ впередъ, а тутъ—лишь по истече-

ніи договора. Чтобы жилецъ не могъ, проживъ мѣсяцъ, бросить квартиру, не заплативши за нее, домовладѣльцы гарантируютъ тѣмъ, что жилецъ долженъ платить впередъ; но учителю или архитектору такой гарантіи не дается. Невольно чуть напрашивается мысль, какъ при дѣйствиіи этихъ противоположныхъ правилъ можетъ устроить свое существованіе учитель, публицистъ или другой представитель труда, когда за квартиру онъ долженъ платить впередъ, а за свою работу въ правѣ требовать платы лишь по исполненіи ея? Такое сопоставленіе довольно наглядно показываетъ, на сильнѣйшей ли или на слабѣйшей сторонѣ окажутся преимущественныя гарантіи закона при дѣйствиіи проектированныхъ правилъ.—Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, что составители проекта характеризуютъ его, какъ гарантирующій интересы слабыхъ, безъ достаточныхъ основаній... И на дѣлѣ многія частности проекта усугубили тяжесть положенія слабыхъ.

Повѣсть г. Мамина - Сибиряка—„Около господъ“, печатаемая въ *Русской Мысли*, лишній разъ иллюстрируетъ старую истину, что благія намѣренія и пожеланія при вмѣшательствѣ въ чуждую жизнь, при незнакомствѣ съ нею, нерѣдко ничего не вносятъ въ нее, кромѣ путаницы, и даже сугубо отягчаютъ ее, вмѣсто облегченія.

Близъ деревюшки Вихры поселилась на дачѣ чета благожелательныхъ состоятельныхъ петербургскихъ интеллигентовъ, нѣкихъ Чадовыхъ. Въ качествѣ людей не безъ просвѣщеннаго образа мыслей, они интересуются жизнью деревни, и между прочимъ m-me Чадова беретъ подъ свое покровительство дѣвушку, которую съ ребенкомъ бросилъ ея возлюбленный. Господы рѣшаютъ соединить эту парочку. Парня барыня долго изводитъ нравоученіями, а между тѣмъ подбучаютъ Дарью подать въ судъ. Тамъ присудили, чтобы оболъститель Адамъ, простоватый парень, который самъ бы не прочь жениться, да старики не даютъ, платилъ брошенной имъ дѣвушкѣ по три рубля въ мѣсяцъ до совершеннолѣтія ребенка.

Это извѣстіе приводитъ въ ужасъ всю семью Адама. Авторъ съ неподражаемымъ юморомъ передаетъ комическое негодованіе стариковъ Адама, когда они высчитали во что обойдется проступокъ парня, а женить сына, да еще на сбившейся съ пути бѣдной дѣвушкѣ, въ ихъ хозяйственные расчеты никакъ не входитъ. Ойм, было, нашли выходъ — не платить и заставить Дарью таскаться въ судъ, пока не надоѣстъ, но Адама присудили не только къ уплатѣ денегъ, а еще къ церковному покаянію — бывать каждую службу въ церкви, а церковь за двѣнадцать верстъ и ѣздить въ нее въ рабочее время — сущее разореніе. Въ концѣ концовъ старики уступаютъ и, охая и ругая Адама, женятъ-таки его на Дарьѣ. Ничего путнаго изъ этого брака, навязаннаго господами, ни для кого не выходитъ. Положеніе навязанной снохи невыносимо тяжело, Адамъ, все таки любящій жену, выдѣляется, но впереди только непокрытая бѣдность, и кончается тѣмъ, что Адамъ отстаетъ отъ крестьянства, пошавши къ Чадову въ егеря.

Вмѣшавшись въ чужую жизнь и ничего для нея толкомъ не сдѣлавши, „господа“ въ то же время сами чувствуютъ, сколько въ ихъ жизни чего то ненужнаго, чего то такого, что вносить въ жизнь деревни какое то разложеніе. Стояла себѣ какаянибудь деревнюшка Вихры, гдѣ все нужно и гдѣ все настоящее. Тамъ и жили по настоящему, работали, радовались, горевали. И когда эта настоящая деревня входила въ близкія отношенія съ барининомъ, наступало быстрое нравственное разложеніе, какъ, напримѣръ, во всѣхъ дачныхъ мѣстностяхъ. Крестьянскія дѣти начинали попрошайничать, бабы вымогали, что умѣли, а мужики превращались въ безсовѣстныхъ грабителей, для которыхъ баринъ и барыня являлись неистощимой статьѣй легкой наживы... Чѣмъ ближе къ Питеру, тѣмъ нажива шла сильнѣе, пока дѣло не доходило до того, что мужики начинали жить однимъ барининомъ. Свое крестьянское хозяйство распускалось, и вся жизнь сводилась только на то, чтобы

окопачить хорошаго, покладистаго барина „Правдой вѣкъ не проживешь“, „не, я тебѣ другой сорветъ“, „господская копѣчка дика“, „у хлѣба не безъ крохъ“ — это были рядъ оправданій, при чемъ и воровство терпѣ значеніе воровства, а принимало форму дѣйствія, въ юридическомъ смыслѣ безрличнаго. И за глаза всѣ перебивавшіе около господъ считали своимъ долгомъ бранить ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ, вина и что „ежели не самъ укралъ, такъ навороно родителемъ или дѣдушкой“, тогда этимъ выкупали свое мужицкое униженіе подлаживаніе и всяческое „подражаніе до господъ“. Вѣроятно, на этомъ основаніи воровство не считалось порокомъ, а чѣмъ въ родѣ спорта, кто чище подведетъ и обманетъ барина.

Авторъ незаметно и мастерски развертываетъ эту картину, пересказывая намъ исторію Адама и Дарьи и ихъ отношеній къ господамъ Чадовымъ. Картина выходитъ довольно мрачная, но безусловно вѣрна отчасти знакомая уже по изображенію этихъ отношеній у Глѣба Успенскаго. Кажется только, что Маминъ-Сибирякъ еще безнадежнѣе Успенскаго подчеркиваетъ это сознаніе средняго интеллигента полной оторванности его въ городской складкѣ его жизни отъ жизни деревни. Тотъ же Чадовъ на охотѣ, сидя у костра, изливаетъ свою душу передъ Адамомъ, который и съѣсть-то не осмѣливается предъ барининомъ. И главная нотка этихъ излияній — гнетущая тоска и сознаніе собственной ненужности:

— Адамъ, а ты боишься смерти?

— Чего ее бояться, Паль Игнатичь... В погребѣ.

— А я боюсь, Адамъ.. Вообще, скверно. Былъ Паль Игнатичь и вдругъ — нѣтъ Паль Игнатичь. А для чего жилъ Паль Игнатичь до твоего Бѣль, пилъ, наживалъ капиталъ... У меня тысяча четыреста есть. Ну, и что же? У тебя ихъ нѣтъ, а умремъ одинаково за милую душу.

— Съ собой не возьмешь, Паль Игнатичь, у это дѣло извѣстное.

— Вотъ то-то и есть. Ахъ, тоска, тоска, тоска. А все думаешь, что все это только пока, а потомъ что то такое будетъ, что то новое, радостное и счастливое, и что ты проживешь жизнь не даромъ. Да... А въ сущности получается о

свинство, и никому ты не нужен, и никто о тебѣ не пожалѣетъ.

Это покаянное настроеніе напоминает кое-что изъ настроеній эпохи „кающихся дворянъ“. Но тамъ было желаніе доказать искренность покаянія, стремленіе „отдать долгъ народу“. Въ повѣсти г. Мамина-Сибиряка мы присутствуемъ при совершенно безнадежномъ самобичеваніи за бесполезно прожитую жизнь, за собственную дряблость и неприспособленность, за то, что не умѣли воспользоваться даже для себя то жизнью: прошла она ни людямъ на радость, ни себѣ въ удовольствіе, дажъ при нажитыхъ капиталахъ...

Въ *Жизни* мы находимъ сразу два произведенія на эту тему признанія со стороны интеллигенціи собственной ея несостоятельности, дряблости, безрадостнаго вялаго тона жизни ея. Объ одномъ изъ этихъ произведеній, о „Мужикъ“ г. Горькаго стоило бы поговорить обстоятельно, но пока предъ нами только начало и герой—архитекторъ Шебуевъ, изъ мужиковъ—выясняется весьма мало. Авторъ выводитъ его намъ въ качествѣ „новаго“ челоуѣка, который собирается великія дѣла обломать. Этихъ дѣлъ мы пока не видимъ. Тѣло и пренебрежительно обрисованъ въ началѣ повѣсти кружокъ интеллигенціи провинціального города, скучающій отъ вѣчно однихъ и тѣхъ же разговоровъ. Въ противоположность членамъ этого кружка, Шебуевъ, на собственной спинѣ испытавшій неудобства порядковъ, осуждаемыхъ кружкомъ больше теоретически,—представляетъ живой интересъ по той жаждѣ жизни и практически нужнаго людямъ дѣла, которая обуреваетъ его и изливается въ полныхъ лиризма монологахъ.

Дѣйствующія лица другого произведенія, именно „Признаній“ г. Тимковскаго, ведутъ монологи въ томъ же минорномъ тонѣ, какъ герой Маминъ-Сибирякъ. Два пріятели, одинъ—общественный воротила, другой—профессоръ—какъ-то разоткровенничались послѣ вечера, пріятно проведеннаго въ умныхъ разговорахъ, и въ итогъ должны со-

знаться, что въ сущности имъ до чортиковъ скучно въ ихъ съ виѣшной стороны осмысленной, общеплезной и счастливой жизни. („Кверно, когда курица пѣтукомъ поетъ... Я похожъ на рыбу, которую когда-то вынули изъ воды и которая должна всячески тормозить себя, чтобы не заснуть. Я не помню моментовъ, когда мнѣ хотѣлось бы воскликнуть: „Остановись, время!“ Я всегда говорю въ глубинѣ души: „Время, проходи скорѣй! Проходи этотъ день... этотъ мѣсяцъ... этотъ сезонъ... и чортъ васъ возьми совсѣмъ!“ Это говоритъ общественный дѣятель, сознавая, что надуваетъ другихъ и себя подобіемъ преданности разнымъ общеплезнымъ идеямъ. Подъ стать ему и признанія профессора, и хорошаго профессора. Наука не дала ему ни жизни, ни радости, онъ и самъ не въ состояніи съ одушевленіемъ преподносить ее другимъ. Жизнь отлилась у него въ форму вѣчно однихъ и тѣхъ же привычныхъ отношеній къ обществу, къ профессіи, къ семьѣ. Вездѣ и во всемъ, „куда ни поглядишь, видишь не жизнь, а отбываніе повинности“. Всѣ покорно тянутъ свою ляжку, не думая о возможности иной болѣе полной непосредственной жизни, чѣмъ та, которая вокругъ.

Само собою разумѣется, признанія эти заканчиваются тѣмъ, что пріятели отправляются... спать, ибо сознаютъ, что они всего только—хорошо дрессированныя домашнія животныя.

Вообще, эти интеллигентныя самобичеванія, снова вошедшія повидимому въ моду, довольно любопытное знаменіе времени. Русскому интеллигентному обывателю, кажется, и въ самомъ дѣлѣ до чертиковъ надоѣли хорошія слова, повторяемые кетати и некстати и уже не прикрывающія собою никакого опредѣленнаго содержанія. А эти хорошія слова уже давно только и составляютъ содержаніе умственной жизни нашей интеллигенціи; а жить одними словами, словами, словами—это хоть кого способно довести до сонной одури.

Ч. Вѣтринскій.